

Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель

П. Лозовиук

Для цитирования: *Лозовиук П.* Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1162–1185. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.409>

Статья посвящена историческому очерку чешско-немецкой (позже судето-немецкой) этнографической традиции с акцентом на ее институционализацию и взаимосвязь с идеологическими концепциями. Этнографический интерес к немцам, проживающим на территории чешских земель, пробудился, очевидно, уже в начале XIX в. Первоначальное этнографическое изучение географически разрозненного немецкого сельского населения было сосредоточено на разнообразных проявлениях их образа жизни, народной традиции и языка. После возникновения Чехословацкой республики (1918 г.) немецкие этнографы в своих работах часто сосредотачивали внимание на темах, связанных с укреплением идентичности заново определенного немецкого сообщества в межвоенной Чехословакии. Динамика в этом направлении существенно поднимала престиж дисциплины, что ускорило завершение ее институционализации в академической среде. В межвоенный период этнография рассматривалась как научная дисциплина, способствующая легитимации многих требований, поднятых на политический уровень, что влияло на решение ряда социальных проблем. В 1938–1945 гг. идеологическая инструментализация дисциплины вышла на качественно новый уровень, о чем свидетельствует возникновение академических институтов, которые посредством этнографических методик были призваны способствовать легитимации «нового порядка» и легализации готовящихся экспансивных планов нацистского режима. Результаты работ судето-немецких этнографов военного времени имели важные политические последствия. Склонность к идеологизации «практической» науки (не только в этнографии, но и в области социологии и антропологии) в первой половине 1940-х гг. проявлялась прежде всего в расистском исследовании проблематики «смешанной крови» и активном участии этнографов в подготовке и отчасти в реализации нацистской «новой Европы». Судето-немецкая этнография как специфический научный дискурс закончила свое существование во второй половине 1940-х гг., когда основная часть немцев, проживающих на территории чешских земель, была отсюда выселена.

Ключевые слова: судето-немецкая этнография, история этнографии, идеология науки, чешские земли.

Петр Лозовиук — PhD, д-р наук, Западно-чешский университет, Чешская Республика, CZ-30100, Пльзень, ул. Седлацкова, 15; lozoviuk@ksa.zcu.cz

Petr Lozoviuk — PhD, Dr. Habil., University of West Bohemia, 15, ul. Sedláčková, Plzeň, CZ-30100, Czech Republic; lozoviuk@ksa.zcu.cz

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Between Science and Ideology. History of German Speaking Ethnography of Czech Lands

P. Lozoviuk

For citation: Lozoviuk P. Between Science and Ideology. History of German Speaking Ethnography of Czech Lands. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 4, pp. 1162–1185. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.409> (In Russian)

The study focuses on the chronological development of the ethnography of Germans living in the Czech Lands. The emphasis is put on its institutionalization and association with ideological concepts of the time. The ethnographical interest in Germans living in the Czech Lands dates back to the beginning of the 19th century. It focused on the lifestyle of the geographically and linguistically divided population. The disappearing traditions maintained in village communities were considered the most appropriate subject of study. After the establishment of the Czechoslovak Republic, German ethnographers concentrated on topics related to the strengthening of identity of the new German society which became part of the Republic. This development enhanced the prestige of ethnography, which facilitated its institutionalization in the academic environment. During the interwar years, ethnography was considered an appropriate academic discipline that could legitimize many politically-related claims, and was, therefore, expected to solve many societal issues. In the years 1938–1945, the ideological instrumentalization of ethnography in the Czech-German environment reached a qualitatively new level. This was reflected in the focus of research of the newly established academic institutions, which were supposed to — with the help of ethnographic methods — contribute to the “scientific” legitimacy of the expansion plans of the Nazi regime already implemented or being prepared at that time. A strong inclination towards ideologically formulated “applied” science led to and in the first half of the 1940s eventually resulted in the explicitly racist research on the issue of “blood mixing” and the active participation of many ethnographers in the preparation, and partly also in the realization of the Nazi idea of a “new Europe”. The history of Sudeten-German ethnography was terminated by the displacement of the German population from what is now the Czech Republic in the second half of the 1940s.

Keywords: Sudeten-German ethnography, history of ethnography, ideology of science, Czech Lands.

Этнография, как наука, изучающая разнообразно определяемые человеческие общества, в течение своей почти 200-летней истории всегда была склонна к различным идеологическим коннотациям. По мнению немецкого этнолога Конрада Кестлина, народоведение является одной из тех наук, которые «предоставляют инструменты для [новой] потребности как индивидуального, так и коллективного самостроительства». Такие науки в немецком дискурсе именуется «этнонауками», которым присуща особенность конструировать предмет своего собственного исследования, а именно «составляющие элементы» для идентичности: этническую принадлежность, народную душу и этническое происхождение¹. Чешско-немецкая² этнографическая традиция, чей исторический очерк будет представлен в этой статье, может служить интересным, хотя и почти забытым примером способа иде-

¹ *Köstlin K. Ethno-Wissenschaften: Die Verfremdung der Eigenheiten // Inszenierungen des Nationalen. Geschichte, Kultur und die Politik der Identitäten am Ende des 20. Jahrhunderts / Hrsg. B. Binder, W. Kaschuba, P. Niedermüller. Köln, Weimar, Wien, 2001. S. 41.*

² С начала 1920-х гг. следует использовать выражение «судето-немецкая».

ологической инструментализации научного знания в ситуации этнически смешанной территории.

Несмотря на определенные различия, особенно в контексте институционального развития, для обоих вариантов народоведческой работы чешских земель³ — чешско-немецкой и чешской этнографии — возможно обозначить ряд структурных сходств. Для обеих были характерны национально-просветительская деятельность, инициатива в плане национальной эмансипации, а также тенденция к идеологической инструментализации научного знания. Чешско-немецкая и чешская этнографии основывались на схожих принципах, а тематическая направленность и способ сбора данных были в основном идентичными⁴. Поэтому совершенно неудивительно, что на институциональное развитие чешско-немецкого народоведения (Volkskunde), кроме имперско-немецкой и так называемой староавстрийской⁵ этнографии, существенное влияние оказала чешская этнографическая традиция (národopis), начавшая свое систематическое развитие гораздо раньше, чем чешско-немецкая.

В чешском обществе конца XIX в. этнография воспринималась как национальная наука в двояком смысле: с одной стороны, ее можно было трактовать как специальную науку о чешском народе, главным образом о его коллективных характеристиках и особенностях чешской культуры; с другой стороны, как науку, служащую народу и содействующую его этноэмансипационным стремлениям. Вдохновляющее влияние на формирование немецкоязычной этнографии чешских земель в конце XIX в. преимущественно оказало так называемое движение национальной особенности (svěrázové hnutí), а впоследствии и общепризнанный успех чешских этнографических выставок, в частности Чешско-славянской народоведческой выставки, организованной в Праге в 1895 г. Основатель чешско-немецкой академической этнографии Адольф Хауффен, пребывая под сильным влиянием этой выставки, отметил, что чехи для чешских немцев в некоторых аспектах могут даже послужить примером. Особенно ему импонировало «внедрение в науку национального убеждения, тесное соприкосновение народа и науки, признательное и восторженное участие всех слоев населения в стремлении к изучению народоведения»⁶.

На отставание в сфере этнографической деятельности чешских немцев в сравнении с чехами неоднократно жаловался и преемник Хауффена в пражском немецком университете⁷ Густав Юнгбауэр. В одной из своих работ он, к примеру, вы-

³ Понятие «чешские земли» сейчас включает собственно Чехию, Моравию и часть Силезии, вошедшую после 1918 и 1920 гг. в состав Чехословакии. Таким образом, речь идет о территориях, составляющих современную Чешскую Республику. Исторически к данной категории относятся и некоторые другие области, в частности обе Лужицы (Верхняя и Нижняя) и область Кладско.

⁴ Подробнее см.: *Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen.* Leipzig, 2008.

⁵ Ср.: *Warneken B. J. „Völkisch nicht beschränkte Volkskunde“.* Eine Erinnerung an die Gründungsphase des Fachs vor 100 Jahren // *Zeitschrift für Volkskunde.* 1999. Bd. 95, Nr. 2. S. 169–196.

⁶ *Hauffen A. Einführung in die deutschböhmisches Volkskunde nebst einer Bibliographie.* Praga, 1896. S. 58.

⁷ Постановлением императора Франца Иосифа I с 11 апреля 1881 г. (в действии с 1882 г.) пражский Карло-Фердинандов университет (Karl Ferdinands-Universität/Karlo-Ferdinandova univerzita) был разделен на два университета: один — с немецким, второй — с чешским языком обучения, причем оба учреждения и далее использовали имя Карло-Фердинандового университета. Между 1882 и 1939 гг. в Праге, таким образом, существовало два национальных университета — чешский

казывал негодование, что «нам, немцам <...> совершенно недостает того, что для чехов уже давно является очевидным. Речь идет об объединении этнографической деятельности с искусством и музейной сферой, с чем связано современное содействие науки и народной самобытности»⁸. Таким образом, чешско-немецкая этнографическая традиция посредством своих передовых представителей не только реагировала на чешское восприятие дисциплины, но и в значительной мере старалась ему подражать.

Начало этнографического интереса к немцам на территории чешских земель. Этнографический интерес к немцам, проживающим на территории чешских земель, пробудился, очевидно, уже в начале XIX в., однако его становление произошло не только наряду с развитием чешских этнографических исследований, но и в более широком центральноевропейском контексте. Первоначальный внутренний этнографический интерес к местным немцам был сосредоточен на разнообразных проявлениях образа жизни географически и лингвистически разрозненного немецкого сельского населения. Развитие народоведческой деятельности на начальной стадии происходило скорее спонтанно и осуществлялось в пределах нескольких родственных, уже сформировавшихся научных дисциплин. К наиболее важным из них можно отнести германистику, значительную роль играли также история, статистика, демография и культурная география. К одной из работ первостепенной важности в области протоэтнографических текстов можно отнести изданный в 1817 г. сборник народной песни в Крваржске, немецкоязычном этнографическом регионе на границе Моравии и Силезии. Сборник, вышедший под названием «Der Fylgie. Alte teutsche Volkslieder in der Mundart des Kuhlandchens» (его автором был уроженец Северной Чехии Йозеф Георг Майнерт), стал первым печатным региональным собранием народной поэзии в общенемецком контексте⁹. И если эту публикацию с уверенностью можно назвать выдающимся почином в области любительской этнографии, то внимание чешско-немецких протоэтнографов начала XIX в. было сконцентрировано прежде всего на самой Богемии¹⁰.

К первому с исторической точки зрения монографическому труду, посвященному этнографии определенного чешско-немецкого региона, можно отнести работу чиновника хебского городского управления Йозефа Себастьяна Грюнера. Она возникла по инициативе и под прямым научным покровительством самого Иоганна Вольфганга фон Гёте. Сочинение Грюнера было написано уже в 1825 г., однако в книжном варианте издано лишь в начале XX столетия, когда его под названием «О древнейших обычаях и нравах эгерландцев»¹¹ опубликовал Алоис Йон — один

и немецкий. Немецкий университет получил в 1920 г. новое название «Немецкий университет» и в 1939–1945 гг. назывался «Немецкий Карлов университет» (Deutsche Karls-Universität). Поэтому в тексте проводится различие между этими двумя названиями путем написания прилагательного «немецкий» со строчной буквы (для университета до 1920 г.) и с прописной (для периода после 1920 г.).

⁸ Jungbauer G. Die Volkskunde bei den Tschechen und Slowaken // Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde. 1928. Bd. 1, Nr. 3. S. 113.

⁹ Ср.: Schroubek G. R. Joseph Georg Meinert. Zur Frühgeschichte der Volkskunde in den böhmischen Ländern // Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde. 1970. Bd. 13. S. 213–226.

¹⁰ Ср.: Hauffen A. Bibliographie der deutschen Volkskunde in Böhmen. Reichenberg, Sudetendeutsche, 1931; Hobinka E. Bibliographie der deutschen Volkskunde in Mähren und Schlesien. Reichenberg. 1928.

¹¹ Эгерланд — самый западный чешско-немецкий регион Чехии, в котором проживала специфическая этнографическая группа — эгерландцы.

из ведущих региональных этнографов начала XX в.¹² Тексты Грюнера представляли собой этнографическую монографию, которая, несмотря на свой строгий и преимущественно описательный характер, по сей день содержит массу интересных фактов, относящихся к народной культуре жителей той эпохи, обитающих в самой западной части Чехии.

Достаточно известным фактом является то, что Гёте проникся необычайной симпатией к западночешскому региону, бывал его довольно частым гостем¹³ и отдавал предпочтение посещению преимущественно курортных городов (исключая несколько его визитов к Грюнеру в Хеб). Из дневника, который писатель вел регулярно, известно о его многочисленных экспедициях по окрестностям Западной Чехии, в ходе которых он проводил наблюдения за образом жизни и культурой простых сельских жителей. Именно во время одного из своих путешествий в 1820 г. он познакомился в Хебе с молодым Грюнером¹⁴, который с 1807 г. увлекался сбором важнейших сведений, касающихся хебского региона. Помимо природоведческого интереса (ботаника, минералогия, геология), внимание Грюнера привлекала история, археология, языковедение и ряд иных областей, на сегодняшний день суммировавшихся в понятие этнография. Несмотря на то что Грюнер посвятил накоплению народоведческого материала долгие годы¹⁵, следует отметить, что эта деятельность имела прежде всего характер первоначального и лишь частичного сбора данных без попыток расширенного анализа.

Гёте, узнав об увлечении Грюнера, проявил активный интерес к результатам его работы, которые тот ему с радостью предоставил. Совместная заинтересованность реалиями Западной Чехии настолько сблизила их, что немецкий писатель периодически навещал Грюнера во время своих поездок в Чехию, а свидетельством их дружбы является в том числе и обширная их переписка¹⁶. Гёте не только активно интересовался методами собирательской деятельности своего младшего товарища, но и давал ему многочисленные советы о том, чем следует руководствоваться при сборе и обработке этнографических данных. Таким образом, следует отметить, что Гёте стоял у истоков возникновения чешско-немецкой этнографии, причем его интерес был ориентирован именно на национальную одежду, фольклор, язык (местные диалекты немецкого) и историю Эгерланда.

Жителей Эгерланда Гёте характеризовал как «храбрый закрытый народец», симпатию к которому писатель проявлял за его «верность народному строю»¹⁷. Другой интересной особенностью «эгерландского характера» Гёте признавал «исключительно примечательную» низкую преступность на этой территории¹⁸. На вопрос Гёте о причине такого явления Грюнер отвечал предположением, что помимо

¹² А. Йон обнаружил текст Грюнера в одном из немецких архивов и издал в 1901 г.

¹³ В 1785–1823 гг. Гёте совершил в общем 17 путешествий в Чехию (ср., например: *Urzdil J. Goethe in Böhmen*. Zürich, Stuttgart, 1962; *Köstlin K. Volkstümlicher Goetheskult und die Nationalisierung des Egerlandes. Zwischen den Wissenschaften. Beiträge zur deutschen Literaturgeschichte*. Bernhard Gajek zum 65. Geburtstag / eds G. Hahn, E. Weber. Regensburg, 1994).

¹⁴ *John A. Einleitung. Grüner Sebastian. Über die ältesten Sitten und Gebräuche der Egerländer* / ed. by A. John. Prag, 1901. S. 4.

¹⁵ *Ibid.* S. 3.

¹⁶ Кроме писем о связи этих людей свидетельствуют и записи в дневнике писателя.

¹⁷ *Ibid.* S. 9.

¹⁸ *Ibid.*

христианского воспитания объяснение этому следует искать в местных обычаях, т. е. в эгерландской народной культуре¹⁹. По мнению Грюнера, житель Эгерланда — это «добрый христианин, верный подданный и супруг, внимательный и трудолюбивый хозяин, следовательно [эгерландские] дети непрерывно видят хороший для себя пример»²⁰. Аналогичные позитивные характеристики Грюнер проецировал и на целый регион, обладающий, по его мнению, интересной историей и самобытной местной культурой с говорящими на своеобразном диалекте немецкого языка жителями²¹.

В предисловии к работе Грюнера представлены размышления о происхождении коренного населения Западной Чехии. Примечательно, что задачу определения исторического происхождения жителей Эгерланда исследователь планировал решить путем сравнения их повседневной культуры с культурой жителей альтенбургского региона Тюрингии. Так как эгерландская материальная культура (особенно народный строй) казалась ему подобной альтенбургской, а жители альтенбургского региона тогда считались онемеченными вендами-сербами, он высказал предположение, что и население Эгерланда имело славянское происхождение. Этот тезис Грюнер впоследствии обосновал как рядом ссылок на названия географических объектов славянского происхождения, так и путем сопоставления повседневной культуры Эгерланда с культурой славянской части исторической области Лужица в тогдашней Средней Германии.

Так называемым логическим следствием подобного образа мышления явилось то, что на примере романтизирующей трактовки «бессмертного Гердера»²² Грюнер наделял славян рядом позитивных коннотаций, перенесенных им и на жителей Эгерланда. С его точки зрения, помимо внешних культурных различий от лужицких сербов эгерландцев отличает прежде всего языковой аспект²³. Очевидно, что Грюнер в своих выводах касательно славян проецировал стереотипный для той эпохи взгляд немецкого романтизма, невероятно метко сформулированный упомянутым ранее Иоганном Готфридом фон Гердером в его знаменитой «Славянской главе»²⁴. Большая часть книги Грюнера посвящена классическому этнографическому описанию, которое включает в себя изложение традиционного обрядового цикла, а также содержит информацию о социальной и материальной культуре сельского населения Западной Чехии времен исследования. Этнографически ценными и по сей день являются сопутствующие цветные иллюстрации, размещенные в конце публикации. Свой информативный характер они несут как соответствующее тексту дополнение, касающееся не только национальной одежды, но и способов организации досуга жителями тогдашнего Эгерланда.

Помимо произвольного, и главным образом самодеятельного, интереса к разнообразным элементам народной культуры, с конца XVIII в. большое значение для развития этнографии как науки в центральноевропейском регионе имела камералистика и статистика. Под влиянием немецкого просвещения обе эти дисципли-

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. S. 23.

²² *Grüner S. Über die ältesten Sitten und Gebräuche der Egerländer. Grüner Sebastian. Über die ältesten Sitten und Gebräuche der Egerländer / ed. by A. John. Prag, 1901. S. 32.*

²³ Ibid. S. 33.

²⁴ *Herder J. G. Vývoj lidskosti. Praha. 1941. S. 300–333.*

ны начали развиваться как новые научные отрасли о государстве и его жителях. В Центральной Европе это способствовало стремлению к накоплению «практической» информации о населении различных административных единиц с целью более эффективного и рационального управления в духе просвещенного абсолютизма. Благодаря этой инициативе разработаны первые региональные и надрегиональные описания, включающие в себя релевантную информацию о «жизненных проявлениях» местного населения и очерках их «характерологии». Целью подобных стремлений было получить как можно больше данных о реальном жизненном укладе обычных людей, главным образом сельских слоев населения, как наиболее маргинализованном и одновременно самом крупном социальном классе. С точки зрения чешского контекста уместно было бы упомянуть о 16-томном топографическом труде Ярослауса Шаллера, изданном в 1785–1790-х гг.²⁵ Эту работу принято считать началом краеведческого описания Чехии, содержащего значительное количество ценной информации о разнообразных аспектах жизни населения всех областей Чешского королевства того времени.

Демографическую и экономическую информацию Шаллер получал посредством анкетирования. Во все приходы Чешского королевства он разослал опросники из 19 пунктов. Полученные ответы представляли собой богатый материал, не только информирующий читателя о сведениях топографического характера, но также содержащий в себе данные об этнографических реалиях²⁶. Этнографически более релевантную и подробную информацию содержала многотомная книга, изданная в 1834–1839 гг., автором которой явился Иоганн Готтфрид Зоммер. Структура этого сочинения, как и предыдущего топографического труда, была проработана в соответствии с административно-территориальным делением Чешского королевства того времени на области и населенные пункты. С точки зрения этнографических наблюдений любопытным фактом является то, что топографические описания Зоммера уже включают в себя информацию о разговорном языке и вероисповедании населения (в том числе израэлитов) тогдашней Чехии.

Патриотически ориентированный этнограф и глава городского архива во Франтишковых Лазнях, упомянутый выше Алойс Йон помимо рукописи Грюнера издал еще один этнографически значимый манускрипт данной эпохи. Речь идет об описании 1823 г., автором которого был городской палач Карл Гусс. Текст вышел в 1910 г. под названием «О суеверности», а его целью было полемически трактовать современные верования с христианской точки зрения²⁷. Интересующийся суевериями автор увлекался народной медициной. Кроме всего прочего, книга содержала раздел, посвященный национальной одежде. Примечательно, что и этого автора периодически навещал и, по-видимому, инструктировал Гёте²⁸.

На развитие интереса к фольклору немецкого населения чешских земель на раннем этапе оказали свое влияние Карл Краус и Феликс Яшке. Прежде всего это были романтически настроенные региональные патриоты, не нацеленные на ана-

²⁵ Оригинальное название работы: «Topographie des Königreichs Böhmen».

²⁶ Sviták Z. Úvod do historické topografie českých zemí. Brno, 2014. S. 15–16.

²⁷ Huß K. Die Schrift „Vom Aberglauben“ von Karl Huß. Nach dem in der fürstlich Metternichschen Bibliothek zu Königswart befindlichen Manuskripte herausgegeben von Alois John. Praga, 1910.

²⁸ Tantner A. H. Rosenstrauch: Karl Huß, der empfindsame Henker. URL: <https://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-20289> (дата обращения: 14.03.2018).

литический подход и даже не имевшие потребности к полному описанию и изложению исследованных феноменов. Во второй половине XIX столетия в чешско-немецкой среде существовал круг собирателей и издателей народных преданий, среди которых определенное влияние имели, например, Йозеф Иоганн Амманн, Йозеф Гофманн, Алоис Йон и Антон Паудлер. Интерес для «интуитивных» этнографов представляли разнообразные проявления образа жизни сельского немецкого населения. Это тоже были энтузиасты-краеведы, не претендовавшие на точный научный подход к этнографическому материалу. Поэтому их собрания протоэтнографических трудов состояли главным образом из описательного обзора исследованных культурных феноменов. Задачу повышения этнографического любительского интереса до уровня академической дисциплины только в конце XIX в. поставил перед собой Адольф Хауффен.

Путь от любительского интереса к академической дисциплине. Понятие «*Volkskunde*» («народоведение»), распространенное в немецкоязычном пространстве, в том числе в Австрии (с 1867 г. Австро-Венгрия), в политический контекст которого до 1918 г. были включены чешские земли, долгое время интерпретировалось двояко. В некотором роде данным термином обозначался быт людей, но его возможно было трактовать и как вид специализированного интереса к образу жизни и культурным проявлениям низшего социального слоя, в основном крестьянства. Второе распространенное значение этого термина заключается в его употреблении для обозначения новой дисциплины, стремившейся стать полноценной университетской специальностью. Академическое формирование народоведения как отдельной научной дисциплины в Центральной Европе начало возникать в последнем десятилетии XIX в. Некоторые немецкие историки датируют возникновение университетского *Volkskunde* 1858 г., когда «праотцом» немецкой этнографии Вильгельмом Генрихом Рилем была прочитана лекция «Этнография как наука»²⁹. Однако это мнение многими исследователями оспаривается, т. к. первая волна основания этнографических институций в Германии приходится на 1890-е гг. и, более того, не связана непосредственно с Рилем³⁰.

В придунайских провинциях монархии начиная с последней трети XIX в. все интенсивнее практиковалось спонтанное исследование разнообразных «племен» (*Volksstämme*) и регионов (*Landschaften*), что способствовало постепенному формированию «племенной этнографии» (*stammheitliche Volkskunde*). Ядром исследования, первоначальную основу которого представляла собой «ландшафтная история литературы» (*landschaftliche Literaturgeschichte*), являлись периферийные области и ориентация на частные культурные проявления. Этот процесс должен был привести к окончательному формированию понимания «народно-племенной характер» (*Volks- und Stammescharakter*) данной группы населения³¹. Полагалось, что задача понимаемого таким образом исследования, сформулированная самым известным судето-немецким этнографом первой трети XX в. Адольфом Хауффеном, заключалась в изучении и передаче психических явлений, образа жизни,

²⁹ Riehl W. H. Die Volkskunde als Wissenschaft. Ein Vortrag 1858. Wilhelm Heinrich Riehl und Adolf Spamer. Die Volkskunde als Wissenschaft. Berlin, Leipzig, 1935. S. 7–22.

³⁰ Warneken B. J. „Völkisch nicht beschränkte Volkskunde“. S. 170.

³¹ Ср.: Grupp G. Der deutsche Volks- und Stammescharakter im Lichte der Vergangenheit. Reise- und Kulturbilder. Stuttgart, 1906.

обычаев и права, языка, поэзии и веры людей. Вариантами этого понятия можно считать и другие центральноевропейские обозначения этнографии, привнесенные разными национальными языками.

К началу систематической немецкой этнографической деятельности на территории Чехии можно отнести собирательскую работу, реализованную в 1894–1900 гг. под покровительством «Общества поддержки немецкой науки, искусства и литературы в Богемии» (*Deutsche Gesellschaft zur Förderung deutscher Wissenschaft, Kunst und Literatur in Böhmen*) основателем институционализированной судето-немецкой этнографии Адольфом Хауффеном. Кроме того, что Хауффен был ответственен за организацию материального обеспечения целого проекта, он еще являлся автором опросников, рассылаемых в самые разные места чешско-немецких регионов и заполняемых чаще всего учителями. Промежуточные результаты этих сборов опубликованы в основанной им же книжной серии «*Beiträge zur deutschböhmisches Volkskunde*». Научная серия изданий, возглавляемая им с самого начала (1896 г.), после возникновения Чехословацкой Республики (ЧСР) была переименована в «*Beiträge zur sudetendeutschen Volkskunde*». Работы, публиковавшиеся здесь, в настоящее время представляют собой свидетельства становления профиля специальности, а также несут ценную информацию о локальной культуре чешских немцев.

В течение второй половины XIX столетия в чешских землях стали зарождаться региональные общества, объединявшие интересующихся этнографической проблематикой людей. Краткого упоминания заслуживают хотя бы три из них, непосредственно формировавшие облик судето-немецкой этнографии. К первому из таких обществ следует отнести немецкий комитет³² Государственного института народной песни (*Staatsanstalt für das Volkslied*), учрежденный в 1922 г. под руководством Адольфа Хауффена³³. Это учреждение было нацелено на обширную собирательскую деятельность австрийского Министерства культуры и обучения, с 1905 г., систематически коллекционировавшего песни народов, живущих в пределах австро-венгерской монархии³⁴. Вторым учреждением выступало «Немецкое ученое общество» (*Deutsche wissenschaftliche Gesellschaft*), основанное в 1924 г. как конкурент вышеупомянутому Обществу поддержки науки, искусства и литературы в Богемии. Третьим учреждением явился Судето-немецкий институт краеведческого исследования (*Anstalt für sudetendeutsche Heimatforschung*), основанный в 1925 г. в Либерце³⁵.

Таким образом, можно констатировать, что существенную роль для укоренения этнографии как признанной научной дисциплины сыграло ее представление в академических структурах, главным образом в университетах. В чешских условиях ее проникновение в сферу интересов чешского и немецкого Пражских университетов происходило постепенно, и в обоих было вызвано особой потребностью создания организационной базы для систематических этнографических и фоль-

³² Этот комитет был создан вместе с чешским, мораво-силезским и словацким комитетами.

³³ *Jungbauer G. Geschichte der deutschen Volkskunde. Praga, 1931. S. 164.*

³⁴ Председателем чешского комитета сначала был О. Гостинский, после его смерти в 1911 г. — З. Неудный.

³⁵ Институт работал до 1938 г. В 1939 г. под названием «Судето-немецкий институт исследования страны и народа» (*Sudetendeutsche Anstalt für Landers- und Volksforschung*) была основана новая институция подобного типа, но уже в условиях аннексии Судет Третьим рейхом (подробнее см.: *Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. S. 252–256.*)

клористических исследований. Заинтересованность предметом этнографического исследования Пражский немецкий университет (в тексте далее ПНУ), равно как и Пражский чешский университет, проявил еще перед формальным уравнением этнографии в правах с иными, уже институализированными университетскими специальностями. В целом, в соответствии с более обширной центральнойвропейской традицией этнографического исследования, в этот «пренатальный» период университетского народоведения обособленную позицию занимали прежде всего исторические и филологические дисциплины³⁶. Для понимания процесса введения этнографии в перечень университетских специальностей для пражской ситуации целесообразно проследить развитие народоведения с 1890-х гг.

В то время в центральнойвропейском пространстве университеты становились центрами академической этнографии достаточно медленно. Следовательно, перед укоренением этнографии в Пражском университете (как и в других университетах монархии³⁷) этнографически ориентированные лекции первоначально проводились в рамках некоторых родственных дисциплин. Поэтому профилирование этнографии на первых порах происходило под обозначением «австрийская этнография» (*österreichische Volkskunde*) или «патриотическая этнология» (*vaterländische Etnologie*). Обозначение «отечественная этнография» (*heimische Volkskunde*) с ядром, программно заданным в соответствии с интересом к народной культуре, напротив, укоренялось постепенно. Существенную роль для усиления престижа появляющейся этнографической науки в Пражском университетском пространстве имело инаугурационное выступление ректора³⁸, германиста Августа Зауера в 1907 г., полное содержание доклада которого под названием «Литература и этнография» в том же году было издано в печатном варианте. В своем тексте Зауер часто ссылался на мнение Адольфа Хауффена — единственного в то время профессионального этнографа в чешско-немецком поле. Очевидно, именно на его понимание дисциплины он ориентировался в своем программном выступлении.

Зауер в своей лекции открыто формулировал запрос на исследование «национального характера» (*Volkscharakter*) в соответствии с изучением региональной литературы, интересовавшей его как германиста. «Племенное народоведение» (*stammheitliche Volkskunde*), считавшееся им наиболее подходящим для этой цели, он обозначил как «новую национальную науку» и поставил его в один ряд с такими более развитыми дисциплинами, как этнография (*Ethnographie*) и этнология (*Ethnologie*)³⁹. «Племенная этнография» предоставляет, как он полагал, «средства к познанию народной души» (*Volksseele*), с которыми потом можно сопоставить особенности отдельных литературных произведений. Практическим результатом понимаемого таким образом этнографического исследования должно было стать определение, «насколько глубоко поэт, группа авторов или конкретное произведение опирается на немецкие народные источники или как далеко от них удалены»⁴⁰.

³⁶ Кроме германистики (ее значение для истории немецкой этнографии в Чешских землях будет обозначено ниже), это были также славистика, география и история (*Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. S. 297*).

³⁷ Речь идет об университетах в Вене, Граце, Инсбруке и Черновице.

³⁸ А. Зауер был ректором ПНУ в 1907–1908 гг.

³⁹ *Sauer A. Literatur und Volkskunde. Rektoratsrede gehalten in der Aula der k. k. Dt. Karl-Ferdinands-Universität in Prag am 18. Nov. 1907. Prag, 1907. S. 15.*

⁴⁰ *Ibid. S. 20.*

Зауер предполагал, что фундамент любого народного литературного творчества исходит из некоей «народной основы»⁴¹. «Последней и наивысшей» целью народо-ведения он считал выработку «характерологии народного духа» (*Charakterisierung des Nationalgeistes*), имевшей целью послужить некоторым обобщением характеристик отдельных народных племен⁴². В качестве одного из таких «племен» стали рассматриваться и «*Deutschböhmern*» — немецкоязычные жители Чехии.

Значение народоведения для будущего и необходимость его дальнейшего академического развития Зауер формировал из тезиса о том, что расцвет данной дисциплины спровоцирует «регенерацию» других дисциплин, в особенности (национальной) литературной истории⁴³. Национальной литературе Зауер отводил роль «усиления и укреплении» немецкого народного характера (*Volkstum*). Эта народо-ведческая деятельность послужила бы впоследствии заключительным этапом задуманного Зауэром цикла, состоящего из трех этапов: сбор и этнографическая оценка народного/национального творчества; восприятие этнографической деятельности литературной наукой как формы авторской/художественной литературы; обратная передача/возвращение предполагаемых (или реальных) фольклорных ценностей народу. Конечная цель народоведческой деятельности представлялась Зауэру в ее творческом влиянии на национальное сообщество. Влияние это первоначально должно было быть, в его понимании, скорее непрямым. Оно могло бы происходить посредством некоей «литературной фольклористики», в которой главная роль отводилась бы литературной науке, впоследствии повлекшей бы за собой зарождение в чешско-немецких условиях народоведения как академической дисциплины. Подобное методологическое слияние этнографии с германистикой (в чешскоязычном пространстве — с богемистикой и славистикой), а в определенной степени и с историей, было решающим практически для всей первой половины XX в.

Эта концепция корреспондировала с исследованием немецких «племен» (*Volksstämme*) и «ландшафтов» (*Landschaften*) так, как подобное практиковалось в самой Германии⁴⁴. Подобным образом и в Австро-Венгрии в последней трети XIX в. начала формироваться «племенная этнография» (*stammheitliche Volkskunde*). Многие заинтересованные лица даже были убеждены, что изучение немецких «племен» относится к первоочередной задаче новой дисциплины — немецкого народо-ведения. Интерес к региональным особенностям сельского населения устремлялся к аутентичному исследовательскому полю, которым считались периферийные области. Особое внимание здесь привлекло к себе устное народное творчество, прежде всего песни, предания и сказки, а также пословицы, разговорный язык, местные имена, народные обычаи, набожность, народная медицина и материальная культура. В рамках материальной культуры особый акцент был поставлен на архитектуре и так называемом народном костюме отдельных «племен» немецкого народа. Основой для столь широко понимаемой этнографической деятельности не могла служить исключительно «ландшафтная история литературы» (*landschaftliche*

⁴¹ *Sauer A. Literatur und Volkskunde*. S. 16.

⁴² *Ibid.* S. 17.

⁴³ *Ibid.* S. 19.

⁴⁴ Ср., например, в начале XX в. неоднократно опубликованную работу Оскара Вайсе «Немецкие племена и ландшафты» (*Die deutschen Volksstämme und Landschaften*).

Literaturgeschichte)⁴⁵, как изначально представлял Зауер. Независимо от того, удалось бы или нет осуществить постижение «племенной и народной характерологии», необходимо было двигаться дальше — к систематическому сбору и обработке разнообразных этнографических данных из различных регионов Чехии, населенных немецкой популяцией. Как уже было сказано, эту задачу взял на себя Адольф Хауффен.

Адольф Хауффен — основатель чешско-немецкой академической этнографии. С конца 1880-х гг. в Пражском немецком университете Хауффен был лично, уделяющей особое внимание народоведческой проблематике и прилагающей значительные усилия для ее последующего укоренения в качестве научной дисциплины. Благодаря своим заслугам в развитии этой специальности он был по праву признан «основателем немецкой этнографии в Чехии»⁴⁶, хотя Хауффен родился в столице Словении Любляне (в 1863 г.). Будучи и исследователем, и преподавателем, он стал главной фигурой судето-немецкого народоведения. Как первый академик он начал систематическое этнографическое исследование немецкого этноса, проживающего в чешских землях, причем занимался как сбором и изучением этнографического материала, так и институциональным укоренением формирующейся дисциплины. Однако основной заслугой Хауффена было то, что пражский немецкий университет при его участии стал одним из первых немецких высших учебных заведений, где немецкая этнография была утверждена в качестве полноценной специальности.

Адольф Хауффен воспринимал этнографию (Volkskunde) как науку об образе жизни определенного сообщества (народа) в ее историческом развитии и одновременно как учение о связях родственных или неродственных групп людей, а именно этносов-наций. При этом он руководствовался убеждением, что особой целью народоведения является «изучение и передача психологических феноменов, образа жизни, обычаев и права, языка, поэзии и веры людей»⁴⁷. Больше всего его интересовало устное народное творчество, а если говорить точнее, песня, которой он уделял особое внимание в большинстве работ. Вместе с тем он занимался исследованиями народной одежды и устных преданий. Достоин упоминания и его вклад в изучение немецких языковых островов, главным образом монография «Немецкий языковый остров Готтше»⁴⁸, ставшая образцовым произведением для следующего поколения ученых, занимающихся немецкими этническими анклавами (Sprachinselvolkskunde)⁴⁹.

Поэтапно освоив англистику, историю и географию в университетах Вены, Лейпцига и Граца, в 1886 г. Хауффен получил академическую степень доктора философии в университете Граца, а три года спустя начал педагогическую деятельность как приват-доцент немецкого языка и литературы в Немецком университете в Праге, где первоначально он выступал на темы, находящиеся на пересечении литерату-

⁴⁵ Sauer A. Literatur und Volkskunde. S. 23–24.

⁴⁶ Jungbauer G. Einleitung. Bibliographie der deutschen Volkskunde in Böhmen / ed. by A. Hauffen. Reichenberg, 1931. S. XXX.

⁴⁷ Sauer A. Literatur und Volkskunde. S. 16.

⁴⁸ Hauffen A. Die deutsche Sprachinsel Gottschee. Geschichte und Mundart, Lebensverhältnisse, Sitten und Gebräuche, Sagen, Märchen und Lieder. Graz, 1895.

⁴⁹ Ср.: Jungbauer G. Sprachinselvolkskunde. Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde. 1930. Bd. 3, Nr. 4. S. 143–150; Nr. 5. S. 196–204; Nr. 6. S. 244–256.

ры и народоведения (народной поэзии). Регулярно преподавать немецкую этнографию в Праге Хауффен начал, по его словам, в 1905 г. Эти первоначально двухчасовые, а затем и четырехчасовые лекции в учебном 1905/06 г. посещало 55 студентов. В 1909/10 г. их количество увеличилось почти вдвое и составляло 94 человека. До начала Первой мировой войны ежегодное количество студентов снова колебалось на отметке около 50 человек на один курс. Неким исключением была лекция «Изучение немецких мифов и сказок» в летнем семестре 1908 г., на нее было зарегистрировано 98 студентов⁵⁰. Такой же многочисленной по посещаемости оказалась практическая лекция Хауффена в области народоведения. В 1898-м ее автор был признан адъюнкт-профессором, а в 1918-м (приказом тогда еще Венского министерства образования) — ординарным профессором немецкой этнографии немецкого языка и литературы. Из-за политических событий того времени присвоение данного ученого звания могло произойти лишь в условиях новообразовавшегося чехословацкого государства⁵¹. Официальное присвоение звания ординарного профессора «немецкой этнографии, как и немецкого языка и литературы» состоялось 24 декабря 1919 г.⁵² Тем не менее это была первая профессура народоведения в Чехословакии⁵³ и одна из первых в Центральной Европе.

Институционализация этнографии в Пражском немецком университете. Институциональному укоренению этнографии в обоих пражских университетах предшествовало основание филологически ориентированных учреждений. К рабочим заведениям ПНУ, где практиковалось этнографическое исследование и обучение, относились также семинар немецкой филологии (Seminar für deutsche Philologie) и семинар славянской филологии (Seminar für slawische Philologie). Замена несуществующих этнографических кафедр филологами и учеными в области литературы была в то время обычной практикой. В пражских условиях это положение изменилось лишь благодаря основанию кафедры немецкой этнографии, речи и литературы (Lehrstuhl für Deutsche Volkskunde sowie für deutsche Sprache und Literatur) в ПНУ в 1919 г.⁵⁴ За ее ведение был ответственен Адольф Хауффен, пребывавший уже в должности профессора.

С 1921 г., когда специальность «немецкий язык и литература» разделили на три более-менее самостоятельные области, одну из которых назвали «немецкая этнография» (Deutsche Volkskunde), студенты могли выбрать немецкую этнографию как главную или смежную специализацию⁵⁵. Таким образом, Пражский немецкий университет в общенемецком контексте стал одним из первых университетов, где укоренилась данная специальность. В 1922 г. для этой специализации было создано первое вакантное место на должность доцента, которое занял Густав Юнгбауэр. В середине XX столетия в университете появлялись и другие ученые, работавшие

⁵⁰ Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. S. 117.

⁵¹ Неподписанный некролог к смерти Адольфа Хауффена см.: Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde. 1930. Bd. 3, Nr. 1. S. 56.

⁵² Antrag auf Errichtung eines Seminars für deutsche Volkskunde // Архив Карлова университета в Праге (АУКР). Ф. 88. Картон № 69.

⁵³ В чешском научном сообществе до сих пор ошибочно считается, что первым профессором этнографии в ЧСР стал в Братиславе Карел Хотек.

⁵⁴ Jungbauer G. Die deutsche Volkskunde in der Tschechoslowakei. Deutsche Volkskunde im Ausserdeutschen Osten. Berlin, Leipzig, 1930. S. 16.

⁵⁵ Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde. 1930. Bd. 3, Nr. 1. S. 56.

над профилированием судето-немецкой этнографии. Например, с 1924 г. здесь начал работать (вначале как приват-доцент немецкого языка, литературы и краеведения (Heimatsforschung)) Эрнст Шварц. В 1927 г. степень кандидата наук по славянской этнографии (slawische Volkskunde) получил Эдмунд Шневейс, читавший в ПНУ (с 1933 г. как профессор) лекции по славянской этнографии и памятникам древности вплоть до их отмены в 1945 г.⁵⁶

Знаменательной личностью судето-немецкой этнографии был Бруно Шир, который после окончания обучения в ПНУ по специальностям «германистика», «богемистика» и «история» в 1923–1926 гг. был в 1927–1934 гг.⁵⁷ ассистентом на семинаре немецкой филологии (Seminar für deutsche Philologie). Здесь же в 1931 г. по специальности «немецкая этнография и античность» он получил звание доцента на основе высоко оцененной рецензентами работы, посвященной проблематике «культурных движений» в восточной части Центральной Европы⁵⁸. С 1934 г. он в должности профессора работал в университете в Лейпциге, а во время войны (1940–1943 гг.) еще и в Братиславе⁵⁹. Оба упомянутых выше ученых и педагога сегодня причисляются к первопроходцам в исследовании славянских культур⁶⁰. Стремительное развитие университетской этнографии в определенной мере указывало на заинтересованность студентов новой дисциплиной. В 1930-х гг. лекции по этнографии посещала треть (!) всех студентов философского факультета ПНУ⁶¹.

Профилирование специализации в академическом пространстве продолжалось и в 1930-х гг. В зимнем семестре 1929/30 учебного года был учрежден семинар по немецкой этнографии (Seminar für deutsche Volkskunde)⁶², имевший целью стать центром для координации надрегиональной этнографической деятельности и одновременно способствовать углублению изучения этнографии в университете⁶³. В его рамках акцент был поставлен на освоение этнографической методологии и общую систематизацию немецких этнографических работ в ЧСР. Поэтому к работе семинара подключились три этнографических учреждения: «Архив народной песни немецкого рабочего комитета Государственного института народной песни» (Volksliedarchiv des deutschen Arbeitsausschusses der Staatsanstalt für das Volkslied), «Управление Атласа немецкой этнографии для Чехословакии» (Arbeitsstelle des Atlases der deutschen Volkskunde für die Tschechoslowakei) и «Архив судето-немецкой этнографии» (Archiv für sudetendeutsche Volkskunde)⁶⁴. Предусматривалось, что руководителем семинара неизменно должен быть главный представитель немец-

⁵⁶ *Udolph L.* Edmund Schneeweis als Volkskundler. *Práce z dějin slavistiky XX* / ed. by Z. Urban. Praha, 1998. S. 61.

⁵⁷ Кроме того, Б. Шир учился в университетах Мюнхена и Лейпцига.

⁵⁸ *Schier B.* Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa. Reichenberg, 1932.

⁵⁹ *Lozoviuk P.* Interethnik im Wissenschaftsprozess. S. 318.

⁶⁰ *Kretzenbacher L. E.* Schneeweis: Serbokroatische Volkskunde. *Hessische Blätter für Volkskunde*. 1962, Bd. 53. S. 140.

⁶¹ *Jungbauer G.* Die deutsche Volkskunde in der Tschechoslowakei. S. 17.

⁶² *Ibid.* S. 19. — Это был педагогическо-исследовательский центр, по своей природе похожий на сегодняшний институт.

⁶³ Seminar für deutsche Volkskunde. Seminarordnung // Архив Карлова университета в Праге (АУКР). Ф. S8. Картон 69.

⁶⁴ Ausweis gemäss Runderlass betreffend ord. Dotacion 1933 // Архив Карлова университета в Праге (АУКР). Ф. S8. Картон 69.

кой этнографии на философском факультете ПНУ. После скорой смерти Хауффена (1930 г.) его преемником стал ученик и коллега Густав Юнгбауэр⁶⁵.

Густав Юнгбауэр и академическая этнография межвоенного времени. Юнгбауэр, выходец из южной Чехии, изучал в ПНУ германистику, историю и классическую филологию. Его учителями были выдающиеся представители пражской университетской этнографии того времени — Зауер и Хауффен. В 1909 г. Юнгбауэр получил степень доктора философии. В своей диссертации он писал о преданиях его родной Шумавы, которые стали народными⁶⁶. По окончании университета молодой человек четыре года работал учителем средней школы. После начала Первой мировой войны Юнгбауэр был откомандирован на сербский, а позже на русский фронт, где в 1915 г. попал в плен. В русском плену он провел более трех лет, и этот опыт, очевидно, оказал на его дальнейшую деятельность значительное влияние. Там Густав освоил русский язык, обучался английскому, французскому и чешскому языкам, и в дополнение ко всему, как пленный, он имел возможность увидеть значительную часть Российской империи, включая Среднюю Азию (Туркестан). В начале 1920-х гг. впечатления от русского плена воплотились в книге⁶⁷. Своим среднеазиатским опытом Юнгбауэр воспользовался как автор и издатель еще нескольких последующих публикаций⁶⁸. По возвращении на родину в конце 1918-го последующие три года он снова работал учителем средней школы.

После получения научной степени в 1922 г. Юнгбауэр признан приват-доцентом немецкой этнографии на философском факультете ПНУ, а зимним семестром 1922/23 учебного года датируется начало его педагогической деятельности в рамках ПНУ. Степень адъюнкт-профессора⁶⁹ (ausserordentlicher Professor) немецкой этнографии⁷⁰ в ПНУ ему присвоена президентским указом от 21 октября 1930 г. На его плечи легла ответственность за работу кафедры после смерти Адольфа Хауффена, даже несмотря на то, что полноценный статус оплачиваемого адъюнкт-профессора был получен им только три года спустя. Ординарным профессором немецкой этнографии и античности (Volks- und Altertumskunde) Юнгбауэр стал 1 июля 1937 г.⁷¹

К заслугам Густава Юнгбауэра нужно отнести развитие дисциплины и вне университета. К примеру, он стоял у истоков зарождения (1928 г.) научного периодического издания «Судето-немецкий этнографический журнал» (Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde), которое постепенно достигло позиции важного в Центральной Европе народоведческого издания. В общей сложности за 1928–1938 гг. было опубликовано одиннадцать ежегодных номеров этого журнала, которые и на сегодняшний день представляют собой ценный источник не только для изучения истории дисциплины. После Хауффена Юнгбауэр принял на себя редакционное руководство главным этнографическим сборником «Труды по судето-немецкой

⁶⁵ Вся цитированная информация о жизни Юнгбауэра взята из материалов, находящихся в Архиве Карлова университета в Праге (AUKP). Ф. PI/22, PII/1. Картон 49; Ф. S8. Картон 69.

⁶⁶ Jungbauer G. Volksdichtung aus dem Böhmerwalde. Prag, 1908.

⁶⁷ Jungbauer G. Kriegsgefangen. Budweis, 1921. S. 283.

⁶⁸ Jungbauer G. Märchen aus Turkestan und Tibet. Jena, 1923.

⁶⁹ Переписка Г. Юнгбауэра с Министерством образования и народного просвещения // Архив Карлова университета в Праге (AUKP). Ф. PII/1. Картон 49.

⁷⁰ Чешский научный эквивалент этого обозначения звучал как «německá lidověda».

⁷¹ Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess. S. 143.

этнографии» (*Beiträge zur sudetendeutschen Volkskunde*) и стал выдающимся представителем ряда других неакадемических учреждений.

Весьма значима его собирательская деятельность, территориально ориентированная на южную Чехию, а тематически — на народную песню. В 1930-х гг. ученый был назначен руководителем чехословацкой секции «Атласа немецкой этнографии», что предполагало сложную работу по распространению анкет, созданных примерно для 12 тыс. добровольцев родом из всех областей ЧСР, населенных немцами. Как руководитель, Юнгбауэр принимал участие в некоторых других больших немецких межвоенных проектах. К примеру, в «Справочник по немецкому суверию» (*Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*) и «Справочник по немецкой сказке» (*Handwörterbuch des deutschen Märchens*) он был автором ряда статей.

С научной точки зрения у Юнгбауэра преобладал интерес к народным преданиям. Своей задачей этнограф считал издание расширенного собрания народных песен из немецкоязычной части Шумава⁷². Наряду с классическими фольклорными жанрами⁷³, Юнгбауэр интересовался еще историей дисциплины, ее теоретическими проблемами, темой этнических и языковых анклавов и т. д. Безусловно, он открывал и новые темы, часто рассматриваемые междисциплинарно. В связи с этим особенно высоко была оценена его монография⁷⁴ о народной медицине и об исследовании немецких новобранцев в чехословацкой армии⁷⁵. Лингвист по образованию, Юнгбауэр считал изучение языка одной из важнейших задач этнографии⁷⁶. Особенно его интересовали диалекты, которые он, не разделяя концепцию Ганса Науманна (о ней будет сказано позже), не воспринимал как «примитивные» культурные проявления, а скорее наоборот, как явление «намного более развитое, чем письменный язык»⁷⁷.

С точки зрения этнографической программатики Юнгбауэр был сторонником мнения, что «немецкая этнография должна накапливать и изучать духовную и материальную культуру народа».⁷⁸ Свое представление о народоведении как научной дисциплине он в самой подробной форме изложил в двух наиболее масштабных трудах⁷⁹, где рассматривал как историю дисциплины в общем, так и специфику судето-немецкой этнографии. В соответствии с предшествующей этнографической традицией предметом этнографических исследований Юнгбауэр считал (не-

⁷² Шумава (чеш. *Šumava*, нем. *Böhmerwald*) — чешско-немецкий этнографический регион, находившийся в Южной Чехии возле границы с Германией и Австрией. Ср.: *Jungbauer G. Volkslieder aus dem Böhmerwalde*. Bd. I–II. Prag, 1930–1937.

⁷³ См., напр.: *Jungbauer G. Deutsche Sagen aus der Čechoslovakischen Republik*: in 2 Bdn. Bd. I. Prag, 1934. S. 117.

⁷⁴ *Jungbauer G. Deutsche Volksmedizin. Ein Grundriss*. Berlin, Leipzig, 1934.

⁷⁵ Ср.: *Zückert M. Alltag im Multinationalen Heer. Interethnische Prozesse in der Tschechoslowakischen Armee der Zwischenkriegszeit // Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde*. 2001. Bd. 44. S. 115–134.

⁷⁶ *Jungbauer G. Deutsche Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung der Sudetendeutschen*. Brünn, Prag, Reichenberg, 1936. S. 23.

⁷⁷ *Ibid.* S. 31.

⁷⁸ *Ibid.* S. 2.

⁷⁹ *Jungbauer G.*: 1) *Geschichte der deutschen Volkskunde*. Prag, 1931; 2) *Deutsche Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung*.

мецкий) народ, определяемый им как множество «кровнородственных» немецких «племен» (Volksstämme) в их географической и исторической данности⁸⁰.

Объектом судето-немецкой этнографии, по его представлениям, должны были выступать живущие в Чехословакии немцы, которых, однако, вследствие появления ЧСР (1918 г.) следовало бы вычленивать как отдельную общность со своей идентичностью в рамках всенемецкого народного контекста. Сам же Юнгбауэр признавал, что «судето-немецкое племя» — это скорее совокупность многих отдельных «подплемен»⁸¹, которые в условиях появления ЧСР становятся специфическим «сообществом судьбы»⁸². Из этого следует, что важной темой судето-немецкой этнографии стало исследование, целью которого должно было быть выявление по локальным особенностям немецкоязычного населения чешских земель тех аспектов, которые для них являлись бы «племенной объединяющей»⁸³.

Одна из вышеупомянутых работ⁸⁴ опубликована в серии «Handbuch für die deutschen Schulen in der Tschechoslowakei» и издавалась как пособие для учителей в школах ЧСР с немецким языком обучения. Причиной массового распространения книги послужило изменение учебных планов, произошедшее в 1934/35 учебном году, когда этнографию причислили к основным школьным предметам⁸⁵. Появилась необходимость обеспечить учителей надлежащими учебными пособиями для освоения нового предмета. Предпринятые усилия направлялись на передачу краткого обзора «немецкой этнографии в контексте судетских немцев», как и звучало ее полное название, и эта цель, несомненно, была достигнута.

Юнгбауэр занимался, ко всему прочему, еще и теоретическими вопросами. Например, он участвовал в протекавшей в то время дискуссии о суждениях немецкого имперского этнографа Ганса Науманна «о затонувших культурных ценностях» (gesunkenes Kulturgut). Юнгбауэр в полемике отвергал заключения Науманна, в которых находил лишь только популярный в то время интерес к «примитивности», предположительно механически спроецированный из неевропейского поля на немецкого крестьянина, что привело к потере «понятия о немецкой индивидуальности»⁸⁶. Аргументы Юнгбауэра были направлены в защиту убеждений о «творческой мощи», исходящей из народа. Логической последовательностью этих взглядов было восприятие народной культуры не как пассивно заимствованных производных из сферы «высокой культуры» высшего слоя общества, а как индивидуального проявления народа/простого люда.⁸⁷

Специфика судето-немецкой этнографии. В качестве «новой важной задачи» этнографического исследования «немецкой территории Чехословакии» Югбауэр обозначил исследование пограничных областей и языковых островов⁸⁸. Эта новая исследовательская «задача» становилась очевидной, как полагал Югбауэр, по при-

⁸⁰ Jungbauer G. Deutsche Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung. S. 16.

⁸¹ Сам он чаще всего употреблял выражения «Substämme» или «Untergruppen».

⁸² Ibid. S. 21. — Юнгбауэр в среде судето-немецких земляческих объединений употреблял и сегодня распространенное слово «Schicksalsgemeinschaft» (Там же. S. 21).

⁸³ Ibid. S. 18.

⁸⁴ Jungbauer G. Deutsche Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung.

⁸⁵ Это происходило в рамках изучения немецкого языка.

⁸⁶ Jungbauer G. Deutsche Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung. S. 10.

⁸⁷ Ibid. S. 12.

⁸⁸ Ibid. S. 21.

чине географического расположения немецкой популяции в ЧСР, поскольку «есть различия между немцем, живущим внутри собственной страны, и заграничным немцем, который живет в чужой стране»⁸⁹. Для заграничных немцев предположительной отличительной чертой являлось долгосрочное сосуществование с разными «соседними народами». Контакт с представителями других этносов, как много раз отмечал Юнгбауэр в своих работах, «с течением веков проявился и в области народоведения. Поэтому научное исследование, как он однажды недвусмысленно заявил, должно «с самого начала руководствоваться сравнительным методом и учитывать последствия славянского, а для области Карпат дополнительно еще и венгерского народоведения»⁹⁰. Идея понимаемого таким образом этнографического исследования состояла в «определении законов, в соответствии с которыми происходит культурный обмен между двумя народами»⁹¹. На практике этот образ мышления впоследствии развивало новое поколение судето-немецких этнографов, ввиду чего следует уделить отдельное внимание полевому исследованию Бруно Шира в Словакии⁹².

Преемником Юнгбауэра в университете после его смерти (1942 г.) стал уроженец западночешского города Стржибро Йозеф Ханика. Тематикой его докторской работы были свадебные обычаи в немецком языковом анклав в Центральной Словакии, так называемом кремницком языковом острове⁹³. В 1937 г. в Пражском немецком университете Ханика получил звание доцента этнографии и древностей (Dozent für Volks- und Altertumskunde) на основе работы о судето-немецком народном строе⁹⁴. Габиляции Ханики предшествовали учебные стажировки в Нюрнберге и Берлине, а также путешествия по Прибалтике, Швеции, Финляндии и Дании. Во время своих странствий он посетил многочисленные этнографические музеи, где особенно интересовался собраниями народной одежды и способами ее репрезентации. В 1938 г. он стал адъюнкт-профессором этнографии в ПНУ, а в начале 1940-х гг. научным сотрудником «Судето-немецкого института краеведческого исследования» в северочешском городе Либерец. В конце 1942 г. Ханика взял на себя руководство недавно основанной «кафедры этнографии и племенной истории Моравии» на кафедре немецких древностей и этнографии на философском факультете ПНУ (Lehrstuhl für Volkskunde und Stammesgeschichte Mährens des Lehrstuhles für Deutsche Altertums- und Volkskunde)⁹⁵. Пик его академической карьеры в ПНУ пришелся на 1943 г., когда он стал преемником Густава Юнгбауэра в ведении семинара немецкой этнографии, а позже и последним ординарным профессором немецкой этнографии в Праге.

Научный интерес Ханики изначально был направлен на материальную и духовную культуру языковых островов в Словакии, особенно кремницкого. Близ Кремнице и Нитранского Правна в 1922 г. он провел свое первое полевое исследо-

⁸⁹ Ibid. S. 19.

⁹⁰ Ibid. S. 21.

⁹¹ Ibid. S. 22.

⁹² *Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess.* S. 318.

⁹³ *Hanika J. Hochzeitsbräuche der Kremnitzer Sprachinsel.* Reichenberg, 1927.

⁹⁴ *Hanika J. Sudetendeutsche Volkstrachten 1, Grundlagen der weiblichen Tracht, Kopftracht und Artung.* Reichenberg, 1937.

⁹⁵ Bundesarchiv Berlin-Lichtenfelde, Ehem. Berlin Document Center (BDC)/NSDAP-Personalkartei, Akte Dr. Josef Hanika, *30.10.1900.

вание, в котором изучал свадебный обряд и собирал народные песни. Эта научная заинтересованность Ханики, ориентированная, кроме песни и обрядности, на народную одежду, нашла свое отражение в его первых публикациях, посвященных свадебным обычаям и народным устоям. Последующие его межвоенные публикации основывались на данных, собранных во время собственных полевых исследований на немецких языковых островах в Словакии. Благодаря подобному интересу и способу реализации этнографической деятельности Ханику можно отнести к группе так называемых Sprachinselforscher.

Дальнейшее увлечение Ханики культурой карпатских немцев⁹⁶ проявилось в более чем семилетнем руководстве⁹⁷ изданием журнала «Karpatenland» в Либереце, который публиковался с подзаголовком «Ежеквартальный журнал по истории, этнографии и культуре немцев в Северных Карпатах» и был программно нацелен на освоение традиционной культуры, истории и языка словацких, карпаторусских, галицких и, в меньшей мере, буковинских, венгерских и силезских немцев. В 1928–1938 гг. вышло в свет в целом 11 годовых комплектов этого и на сегодняшний день вызывающего интерес периодического издания. Следующей важной страницей научной биографии Ханики было «практическое народоведение», которому он в разных формах уделял внимание всю свою жизнь, в частности с 1937 г., когда судето-немецкими союзами (Sudetendeutsche Volkstumsverbände) ему было поручено руководство действиями по «обновлению народного строя» (Trachtenerneuerung)⁹⁸.

Критической рефлексии были научные и ненаучные действия Ханики подвергнуты только с начала XXI в.⁹⁹ Как и многие другие его немецкие коллеги в военное время, Ханика принадлежал к политически ангажированным этнографам¹⁰⁰. Этот факт, разумеется, не мог не повлиять на его научную деятельность. На страницах упомянутого выше периодического издания «Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren» его авторству принадлежит целый ряд работ, в которых прослеживается прямое влияние расовых теорий того времени, проецируемых им на этнографический материал. Ханика, например, выступал в защиту убеждений о том, что определенные культурные элементы отражают «расовое основание» своих создателей или носителей. Он старался продемонстрировать это в условиях центрально-европейской народной культуры, особенно в связи с исследованием деревенской одежды, которую, в духе «Rassenkunde», считал выражением определенной «антро-

⁹⁶ Карпатскими немцами с межвоенного времени назывались представители немецких анклавов в Словакии и на Подкарпатской Руси.

⁹⁷ Его следующими издателями были Эрих Гирах и Фридрих Репп.

⁹⁸ Die Nachfolge Jungbauers // Архив Карлова Университета в Праге (АУКР). Ф. S8. Картон 69.

⁹⁹ Ср.: Zückert M. Josef Hanika (1900–1963) Volkskundler. Zwischen wissenschaftlicher Forschung und „Volkstumskampf“ // Prager Professoren 1938–1948. Zwischen Wissenschaft und Politik / Hrsg. M. Gletter, A. Mišková. Essen, 2001; Weger T. „Völkische Wissenschaft“ zwischen Prag, Eger und München. Das Beispiel Josef Hanika // Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert. Wissenschaftstraditionen — Institutionen — Diskurse. München, 2006; Lozoviuk P.: 1) Interethnik im Wissenschaftsprozess; 2) Ethnografische Praxis und Paradigmawechsel. Zu einem beinahe vergessenen Beitrag zur Migrationsforschung // Erfahren — Benennen — Verstehen. Den Alltag unter die Lupe nehmen. Festschrift für Michael Simon zum 60. Geburtstag / Hrsg. Ch. Niem, T. Schneider, M. Uhlig. Münster; New York, 2016.

¹⁰⁰ Дж. Ханика стал членом НСДАП 1 ноября 1938 г. См.: Bundesarchiv Berlin-Lichtenfelde, Ehem. Berlin Document Center (BDC)/NSDAP-Personalkartei, Akte Dr. Josef Hanika *30.10.1900.

пологической данности»¹⁰¹. Однако вместе с тем следует признать, что Ханика принадлежал к числу немецким этнографов, которые пытались практиковать сравнительную этнографию, хотя и под влиянием идеологии времени.

В послевоенное время Ханика был вынужден разделить судьбу многих немецких изгнанников из Восточной и Центральной Европы. Личный опыт насильственного выселения и потери родины отразился и на его этнографическом интересе к проблематике депортированного в Германию населения. В 1950-х гг. он был одним из главных исследователей так называемой «этнографии изгнанников» (*Vertriebenenvolkskunde*)¹⁰². Наконец, в 1955 г. Ханика получил должность адъюнкт-профессора немецкой и сравнительной этнографии в Людвиг-Максимилиановом университете в Мюнхене. Здесь, незадолго до своей смерти в 1963 г., он, в дополнение к вышесказанному, стал инициатором создания существующего и по сей день Института немецкой и сравнительной этнологии¹⁰³. Его последним ассистентом, а позже и долговременным сотрудником на этом месте стал уроженец Праги Георг Р. Шрубек — последний профессиональный этнограф немецкого языка родом с чешских земель, скончавшийся в 2008 г.¹⁰⁴

Судето-немецкая этнография как дискурс. Как показано выше, спонтанный интерес к этнографическому материалу в Чехии, как и в других областях Центральной Европы, начал проявляться на рубеже XVIII и XIX вв. Изначальной целью этнографической деятельности было обнаружение и описание «природы» (*Wesensart*) народа, а также отображение его образа в литературе и других формах высокой культуры. Этнографически исследованная собранная информация должна была использоваться для «культивирования» широких народных слоев (*Volkstumspflege*), а впоследствии и целой этнически определенной нации. Самыми подходящими объектами народоведческой науки сначала считались исчезающие формы собственных традиций, описываемых на примере относительно наглядных, прежде всего деревенских, сообществ. После возникновения Чехословацкой республики среди немецких этнографов были распространены темы, связанные с укреплением идентичности заново определенного немецкого сообщества в ЧСР. Такое развитие поднимало престиж дисциплины, что ускорило завершение ее институционализации в академической среде. В то время как в чешских условиях этнография стала этноэмансипационной наукой уже в конце XIX в., что вело к первой волне ее формальной институционализации¹⁰⁵, на судето-немецкой стороне быстрее прошла следующая фаза институционализации дисциплины — укоренение этнографии в академическом поле. Ввиду этого следует обратить внимание, что неслучайно одним из первых немецкоязычных университетов, где произошло

¹⁰¹ Ср.: *Hanika J.*: 1) *Rassenseele und Stammescharakter* // *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*, 1939. Bd. 3. S. 41–49; 2) *Sippennamen und völkische Herkunft im böhmisch-mährischen Raum*. Prag, 1943; 3) *Volkskundliche Erforschung völkischer Wesensart* // *Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren*. 1944. Bd. 3, Nr. 6. S. 313–331.

¹⁰² *Hanika J.* *Volkskundliche Wandlungen durch Heimatverlust und Zwangswanderung. Methodische Forschungsanleitung am Beispiel der deutschen Gegenwart*. Salzburg, 1957.

¹⁰³ Институт в 2003 г. стал называться «Institut für Volkskunde/Europäische Ethnologie».

¹⁰⁴ Ср.: *Schrubek G. R.* *Studien zur böhmischen Volkskunde*. Herausgegeben und eingeleitet von Petr Lozoviuk. München, 2008.

¹⁰⁵ В 1891 г. было основано главное периодическое этнографическое издание «*Český lid*», в 1893 г. — «Чехославянское этнографическое общество», а через три года — «Чехославянский этнографический музей».

внедрение этнографии в академическую сферу, стал именно Пражский немецкий университет.

Судето-немецкая этнография, как и ее чешский аналог в то время, в национально сложной ситуации чешских земель кроме академических выполняла еще и ненаучные функции. Подобная тенденция возникла тогда, когда судетские немцы в условиях политической агитации начали обособляться как отдельная этническая группа, члены которой имели общую культуру, язык, коллективную идентичность. При этом внешними обстоятельствами выступало то, что они были вынуждены жить в государстве другого народа, т. е. в ЧСР. В данном контексте этнография стала рассматриваться как соответствующая научная дисциплина для легитимации многих требований, которые были подняты на политический уровень, что могло бы поспособствовать решению ряда социальных проблем. Стремление к этнографическому определению судето-немецких атрибутов явилось логическим продолжением и дополнением автономистских политических действий, постепенно приведших к желанию территориального разделения страны по этническому признаку.

Форма судето-немецкой и чешской этнографической традиций основывалась на представлениях и предположениях обозначенного времени. Последующее их структурное сходство заключалось в объединении научной деятельности и идеологических рассуждений, что происходило сначала спонтанно, но в межвоенное время, а именно с конца 1930-х гг., политическая ангажированность уже считалась условием участия в академической жизни¹⁰⁶. В 1938–1939 гг. идеологическая инструментализация дисциплины вышла на качественно новый уровень, о чем свидетельствует возникновение академических институтов, которые посредством этнографических методик должны были содействовать легитимации «нового порядка» и легализации реализующихся и готовящихся экспансивных планов нацистского режима¹⁰⁷. Результаты работ судето-немецких этнографов военного времени имели важные политические последствия. Склонность к идеологизации «практической» науки (не только в области этнографии, но в социологии и антропологии) в первой половине 1940-х гг. проявлялась прежде всего в расистском исследовании проблематики «смешанной крови» (*Blutvermischung*)¹⁰⁸ и в активном участии этнографов в подготовке и отчасти в реализации нацистской «новой Европы».

Ко всему вышесказанному следует добавить, что довоенное изучение этнических анклавов, осуществлявшееся и судето-немецкими этнографами до возникновения протектората Богемии и Моравии, в определенном смысле предвосхищало послевоенное суждение об общественных процессах в ситуации межкультурно и межэтнически сформировавшихся регионов. В немецкоязычной этнологии такое

¹⁰⁶ Ср.: *Mišková A. Německá (Karlova) univerzita od Mnichova k 9. květnu 1945 (vedení univerzity a obměna profesorského sboru)*. Praha, 2002.

¹⁰⁷ Уже упоминалось о создании новых университетских отделений в Праге, возникновении Фонда Рейнхарда Гейдриха или секций реорганизованного либерецкого Судето-немецкого института для исследования государства и народа. Ср.: *Wiedemann A. Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag (1942–1945)*. Dresden, 2000; *Lozoviuk P. Interethnik im Wissenschaftsprozess*.

¹⁰⁸ Это исходило из предположения о том, что национальность — нечто объективное, данное человеку генетически, что коренным образом определяет его. Поэтому особое внимание было уделено изучению родственных связей между разговаривающими на чешском и немецком языке определенных национально смешанных регионов, целью чего являлось доказательство немецкого (следовательно, объективного, потому что «биологического») происхождения населения, которое в этой области заявляло о своей чешской национальности.

развитие этнографического исследования языковых островов вело к парадигматическому повороту от исследования элементарных этнографических феноменов к рефлексии межэтнических отношений¹⁰⁹.

Несмотря на то что представители судето-немецкой этнографии считались частью большого корпуса ученых, придерживавшихся немецкоязычной народоведческой традиции, в их работах прослеживается также стремление обособить себя от имперской немецкой этнографии. Эта позиция была аргументирована исследованиями особенностей, которые исходили из судето-немецкой культурно-политической данности и были осуществлены именно в рамках так называемой этнографии пограничных областей и этнических анклавов (*Grenzland- und Sprachinselvölkerkunde*). Определенной альтернативой этнически понимаемому народоведению могла стать ориентация этнографической работы на исследование «*vulgus in populo*», что в формулировке швейцарского этнографа Эдуарда Гоффмана-Крайера обозначает «низшие общественные слои собственного народа»¹¹⁰. Однако немецкие этнографы из Чехии к теориям, приходящим из-за границы (даже немецкоязычной!), относились весьма скептически. Кроме Гоффмана-Крайера, они так же критически реагировали, например, и на теории Ганса Науманна¹¹¹ и далее предпочитали темы классического этнографического канона с особым вниманием к народной словесности. Конструируемая подобным образом идеологическая инструментализация дисциплины была присуща и чешской традиции, в отношении которой судето-немецкое народоведение полемически обособлялось.

Судето-немецкая этнография как специфический научный дискурс закончила свое существование во второй половине 1940-х гг., когда основная часть немцев, проживающих на территории чешских земель, была выселена. Хотя во время первых послевоенных лет в РФН свою академическую карьеру продолжал целый ряд выдающихся этнографов судето-немецкого происхождения, это не могло повлиять на тот факт, что институциональная база была безнадежно разрушена, а сам объект исследования (судетские-немцы как особая этническая группа) исчез.

References

- Grüner S. Über die ältesten Sitten und Gebräuche der Egerländer. *Grüner. Über die ältesten Sitten und Gebräuche der Egerländer*. Hrsg. A. John. Prag, J. G. Calve'sche k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhandlung, 1901, S. 23–138.
- Grupp G. *Der deutsche Volks- und Stammescharakter im Lichte der Vergangenheit. Reise- und Kulturbilder*. Stuttgart, Strecker & Schröder, 1906, 205 S.
- Hanika J. *Hochzeitsbräuche der Krennitzer Sprachinsel*. Reichenberg, Stiepel, 1927, 83 S.
- Hanika J. *Sudetendeutsche Volkstrachten 1, Grundlagen der weiblichen Tracht, Kopftracht und Artung*. Reichenberg, Sudetendeutscher Verlag Franz Kraus, 1937, 289 S.
- Hanika J. Rassenseele und Stammescharakter. *Deutsches Archiv für Landes- und Volksforschung*. 1939, Bd. 3, S. 41–49.
- Hanika J. *Sippennamen und völkische Herkunft im böhmisch-mährischen Raum*. Prag, Volk und Reich Verl., 1943, 103 S.

¹⁰⁹ Ср.: *Weber-Kellermann I. Deutsche Volkskunde zwischen Germanistik und Sozialwissenschaften*, Stuttgart 1969.

¹¹⁰ *Hoffmann-Krayer E. Die Volkskunde als Wissenschaft*. Zürich, 1902. S. 13.

¹¹¹ Ср.: *Naumann H.*: 1) *Primitive Gemeinschaftskultur. Beiträge zur Volkskunde und Mythologie*. Jena, 1921; 2) *Grundzüge der deutschen Volkskunde*. Leipzig, 1922.

- Hanika J. Volkskundliche Erforschung völkischer Wesensart. *Deutsche Volksforschung in Böhmen und Mähren*. 1944, Bd. 3, Nr. 6. S. 313–331.
- Hanika J. *Volkskundliche Wandlungen durch Heimatverlust und Zwangswanderung. Methodische Forschungsanleitung am Beispiel der deutschen Gegenwart*. Salzburg, Otto Müller Verlag, 1957, 151 S.
- Hauffen A. *Die deutsche Sprachinsel Gottschee. Geschichte und Mundart, Lebensverhältnisse, Sitten und Gebräuche, Sagen, Märchen und Lieder*. Graz, Georg Olms Verlag, 1895, 465 S.
- Hauffen A. *Einführung in die deutschböhmisches Volkskunde nebst einer Bibliographie*. Prag, J. G. Calve'sche k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhandlung, 1896, 224 S.
- Hauffen A. *Bibliographie der deutschen Volkskunde in Böhmen*. Reichenberg, Sudetendeutsche Verlag Franz Kraus, 1931, 400 S.
- Herder J. G. *Vývoj lidskosti*. Praha, Jan Laichter, 1941, 469 S.
- Hobinka E. *Bibliographie der deutschen Volkskunde in Mähren und Schlesien*. Reichenberg, Sudetendeutsche Verlag Franz Kraus, 1928, 125 S.
- Hoffmann-Krayer E. *Die Volkskunde als Wissenschaft*. Zürich, F. Amberger, 1902, 34 S.
- Huß K. *Die Schrift „Vom Aberglauben“ von Karl Huß. Nach dem in der fürstlich Metternichschen Bibliothek zu Königswart befindlichen Manuskripte herausgegeben von Alois John*. Prag, J. G. Calve'sche k. u. k. Hof- u. Universitäts-Buchhandlung, 1910, 47 S.
- John A. Einleitung. *Grüner. Über die ältesten Sitten und Gebräuche der Egerländer*. Hrsg. A. John. Prag, J. G. Calve'sche k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhandlung, 1901, S. 1–20.
- Jungbauer G. *Volksdichtung aus dem Böhmerwalde*. Prag, J. G. Calve'sche k. u. k. Hof- und Universitäts-Buchhandlung, 1908, 236 S.
- Jungbauer G. *Kriegsgefangenen*. Budweis, Verlagsanstalt "Moldavia", 1921, 283 S.
- Jungbauer G. *Märchen aus Turkestan und Tibet*. Jena, E. Diederichs, 1923, 319 S.
- Jungbauer G. Die Volkskunde bei den Tschechen und Slowaken. *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*. 1928. Bd. 1, Nr. 1, S. 26–29; Nr. 2, S. 71–74; Nr. 3, S. 111–115; Nr. 4, S. 155–159; Nr. 5, S. 208–215.
- Jungbauer G. *Volkslieder aus dem Böhmerwalde*. Bdn. I–II. Prag, J. G. Calve, 1930–1937.
- Jungbauer G. Die deutsche Volkskunde in der Tschechoslowakei. *Deutsche Volkskunde im Ausserdeutschen Osten*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter & Co., 1930, S. 1–25.
- Jungbauer G. Sprachinselveolkskunde. *Sudetendeutsche Zeitschrift für Volkskunde*. 1930, Bd. 3, Nr. 4, S. 143–150; Nr. 5, S. 196–204; Nr. 6, S. 244–256.
- Jungbauer G. Einleitung. *Bibliographie der deutschen Volkskunde in Böhmen*. Hrsg. A. Hauffen. Reichenberg, Sudetendeutsche Verlag Franz Kraus, 1931, S. V–XLVIII.
- Jungbauer G. *Geschichte der deutschen Volkskunde*. Prag, J. G. Calve'sche Universitätsbuchhandlung, 1931, 193 S.
- Jungbauer G. *Deutsche Volksmedizin. Ein Grundriss*. Berlin, Leipzig, Walter de Gruyter & Co., 1934, 248 S.
- Jungbauer G. *Deutsche Sagen aus der Čechoslovakischen Republik. Bd. I*. Prag, Staatliche Verlagsanstalt, 1934, 117 S.
- Jungbauer G. *Deutsche Volkskunde mit besonderer Berücksichtigung der Sudetendeutschen*. Brünn, Prag, Reichenberg, Nordböhmischer Verlag Ges. m. b. H., 1936, 253 S.
- Köstlin K. Volkstümlicher Goethekult und die Nationalisierung des Egerlandes. *Zwischen den Wissenschaften. Beiträge zur deutschen Literaturgeschichte. Bernhard Gajek zum 65. Geburtstag*. Hrsg. G. Hahn, E. Weber. Regensburg, Verlag Friedrich Pustet, 1994, S. 36–47.
- Köstlin K. Ethno-Wissenschaften: Die Verfremdung der Eigenheiten, *Inszenierungen des Nationalen. Geschichte, Kultur und die Politik der Identitäten am Ende des 20. Jahrhunderts*. Hrsg. B. Binder, W. Kaschuba, P. Niedermüller. Köln, Weimar, Wien, 2001, Böhlau, S. 41–63.
- Kretzenbacher L. E. Schneeweis: Serbokroatische Volkskunde. *Hessische Blätter für Volkskunde*. 1962, Bd. 53, S. 140–142.
- Lozoviuk P. *Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2008, 424 S.
- Lozoviuk P. Ethnografische Praxis und Paradigmawechsel. Zu einem beinahe vergessenen Beitrag zur Migrationsforschung. *Erfahren — Benennen — Verstehen. Den Alltag unter die Lupe nehmen. Festschrift für Michael Simon zum 60. Geburtstag*. Hrsg. Ch. Niem, T. Schneider, M. Uhlig. Münster, New York, Waxmann Verlag GmbH, 2016, S. 219–228.

- Mišková A. *Německá (Karlova) univerzita od Mnichova k 9. květnu 1945 (vedení univerzity a obměna profesorského sboru)*. Praha, Karolinum, 2002, 279 S.
- Naumann H. *Primitive Gemeinschaftskultur. Beiträge zur Volkskunde und Mythologie*. Jena, Eugen Diederichs Verl., 1921, 194 S.
- Naumann H. *Grundzüge der deutschen Volkskunde*. Leipzig, Verlag von Quelle & Meyer, 1922, 158 S.
- Riehl W. H. Die Volkskunde als Wissenschaft. Ein Vortrag 1858. *Wilhelm Heinrich Riehl und Adolf Spamer, Die Volkskunde als Wissenschaft*. Berlin, Leipzig, Herbert Stubenrauch Verlagsbuchhandlung, 1935, S. 7–22.
- Sauer A. *Literatur und Volkskunde. Rektoratsrede gehalten in der Aula der k. k. Dt. Karl-Ferdinands-Universität in Prag am 18. Nov. 1907*. Prag, J. C. Calve'sche K. u. K. Hof- und Universitäts-Buchhandlung, 1907, 58 S.
- Schier B. *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im östlichen Mitteleuropa*. Reichenberg, Sudetendeutscher Verlag F. Kraus, 1932, 456 S.
- Schroubek G. R. Joseph Georg Meinert. Zur Frühgeschichte der Volkskunde in den böhmischen Ländern. *Jahrbuch für ostdeutsche Volkskunde*. 1970, Bd. 13, S. 213–226.
- Schroubek G. R. *Studien zur böhmischen Volkskunde. Herausgegeben und eingeleitet von Petr Lozoviuk*. München, Waxmann Verlag GmbH, 2008, 237 S.
- Sviták Z. *Úvod do historické topografie českých zemí*. Brno, Masarykova univerzita, 2014, 105 S.
- Udolph L. Edmund Schneeweis als Volkskundler. *Práce z dějin slavistiky XX*. Ed. by Z. Urban. Praha, Univerzita Karlova, 1998, SS. 61–71.
- Urzidil J. *Goethe in Böhmen*. Zürich, Stuttgart, Artemis Verlag, 1962, 533 S.
- Warneken B. J. „Völkisch nicht beschränkte Volkskunde“. Eine Erinnerung an die Gründungsphase des Fachs vor 100 Jahren. *Zeitschrift für Volkskunde*. 1999, Bd. 95, Nr. 2, S. 169–196.
- Weber-Kellermann I. *Deutsche Volkskunde zwischen Germanistik und Sozialwissenschaften*. Stuttgart, J. B. Metzler, 1969, 113 S.
- Weger T. „Völkische Wissenschaft“ zwischen Prag, Eger und München. Das Beispiel Josef Hanika. *Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert. Wissenschaftstraditionen — Institutionen — Diskurse*. München, Oldenbourg Verlag, 2006, S. 177–208.
- Wiedemann A. *Die Reinhard-Heydrich-Stiftung in Prag (1942–1945)*. Dresden, Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung, 2000, 126 S.
- Zückert M. Alltag im Multinationalen Heer. Interethnische Prozesse in der Tschechoslowakischen Armee der Zwischenkriegszeit. *Jahrbuch für deutsche und osteuropäische Volkskunde*. 2001, Bd. 44, S. 115–134.
- Zückert M. Josef Hanika (1900–1963) Volkskundler. Zwischen wissenschaftlicher Forschung und „Volkskulturmampf“. *Prager Professoren 1938–1948. Zwischen Wissenschaft und Politik*. Hrsg. M. Gletter, A. Mišková. Essen, Klartext Verlag, 2001, S. 205–220.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2020 г.

Рекомендована в печать 9 сентября 2020 г.

Received: March 14, 2020

Accepted: September 9, 2020